

ШКОЛА — НЕ ЦЕРКОВЬ

Бывает так, что в разгар весны вдруг наступит осень. Небо заволакивает тяжелой серой пеленой, холодает, и моросит противный дождь. Все выглядит так, что не отличишь — то ли это поздняя осень, то ли середина апреля. «Хотя осенью на дорогах падшая листва, — подумал Тихонов. — Или павшая? Осень — это умирание, а весна — рождение. Но не одно ли это и то же?»

На математику он пришел невыспавшийся, опухший, растрепанный. Он проспал и поэтому собирался в большой спешке, даже не успел почистить зубы и причесаться. Гришина уже сидела в классе за партой.

— Привет, — чуть виновато прохрипел он. — Извини, хотел вместе в школу идти, но будильник не услышал...

— Ты похож на воробья под дождем, — засмеялась она. — Видел таких? Сидят на ветке, надулись, как шарики, перышки в разные стороны...

— Спасибо, — пробормотал он, довольный, что она не в обиде.

Вчера вечером он сделал невозможное — домашнее задание по математике. Пришлось, конечно, посидеть, ведь он многое пропустил, давно не следил за тем, что было на уроках. Но за несколько часов он разобрался. «Если бы не лень, то был бы отличником», — говорила про него физичка. А ей он верил.

Ирина Александровна начала урок. Тихонов приготовился — сейчас она спросит его: «Тихонов, ты сделал домашнее задание?» Он ответит: «Да, Ирина Александровна!» Она: «Покажи!» И вот он ей покажет, а оно и в самом деле сделано!

Но, мельком взглянув на него, она не стала спрашивать про домашнее задание. То ли она была настолько проникательна, то ли ему просто не повезло. Впервые за учебный год он его сделал сам, и впервые она не захотела проверить! Закон подлости.

Ирина Александровна сразу приступила к новой теме. Она грузно поднялась, взяла мел, повернулась к ученикам и начала рассказывать вводную часть.

— Боже, что это! — вдруг воскликнула она.

Все встрепнулись. Она с выражением крайнего удивления смотрела на Тихонова.

— Что я вижу? — повторила она.

Тихонов пожал плечами. Все остальные тоже недоумевали.

— Мало того, Тихонов, что у тебя расстегнута рубашка чуть ли не до пупа, так еще и крест висит всем напоказ! Ты школу с пляжем или церковью не перепутал?

Тихонов опустил голову и в самом деле увидел голую грудь, но не до пупа, конечно, а совсем немного — забыл с утра рубашку застегнуть на

три верхние пуговицы. На шею у него действительно висел золотой крестик, ему подарил его тетя год назад на день рождения. Она была хорошей женщиной, и из уважения к ней, а отчасти на всякий случай (вдруг Бог все-таки есть и слышит его просьбы?), он его носил. Но какое до этого дело математичке, ему было непонятно. Он молча застегнул две пуговицы и спрятал крест.

— Алексей, — сказала она, тыкая в него мелом, — ты хоть знаешь, сколько величайших умов науки церковь сгубила?

— Ломоносова? — вдруг спросил Стаханов.

Она перевела взгляд на него.

— Миша, при чем здесь Ломоносов?

Он сник, разрубленный ее огненным взором, словно мечом джедая. Она повернулась обратно к Тихонову:

— Джордано Бруно сожгли на костре... Поплатился Галилей, пострадал Кеплер! Да известно ли тебе, скольких ученых, да и просто ни в чем неповинных людей инквизиция сожгла на костре?! И после этого ты носишь крест? В моей юности за это сразу бы исключили из комсомола. Да в него и не приняли бы!

— Это вас не касается, — зло прервал ее Тихонов. — Что хочешь, то и ношу.

— Ах, вот ты как заговорил! Тоже мне, Жанна Д'Арк! А ну встань и выйди из класса! И чтобы с крестом я тебя больше не видела на уроке.

— Ирина Александровна, но это и правда не ваше дело, — заступился за него Денисов. — У меня бабушка каждую неделю в церковь ходит, но при этом она очень образованный и начитанный человек. И доход у нее, наверное, больше, чем у всех учителей в этой школе, вместе взятых...

— Да я и сам в церковь регулярно хожу, что здесь такого? — сказал Серегин. Было ясно, что он врет, и все заржали.

— Ты там че, Серый, подаяние просишь на паперти? Я тебя видел, ты старухой прикидывался.

— А может, ты службу ведешь, как батюшка?

— Не, он прихожан обкрадывает, пока те исповедуются!

— Тихо! — повысила голос Ирина Александровна — так, что в ушах зазвенело, и все замолчали.

Она была в гневе.

— Денисов, ты на выход вместе с Тихоновым. Без своей миллионерши-бабушки не появляйся. Серегин тоже.

Друзья, сердито ссыпав вещи в рюкзаки, направились в двери.

— Ой, — хихикнула Маша Петрова, — смотрите, а у Тихонова носки разного цвета.

Тихонов с удивлением посмотрел на свои ноги. В самом деле, один зеленый, другой красный, как у клоуна. Значит, спросонья не разобрался, когда собирался утром в спешке в школу.

— Это явления одного порядка! — прогремела им вслед Ирина Александровна. — Сначала религия, а потом и носки разные.

ЖАННА Д'АРК

Я одного не пойму, — сказал Денисов, — чего это она тебя Жанной Д'Арк назвала? Она хоть в курсе, что это женщина?

— Думаю, в курсе. Она просто дурная. Для нее нет разницы между мужчинами и женщинами.

— Вот она дура!

— Да. Но в каком-то смысле для меня это честь. Жанна была крутая тетка, которая повела за собой цвет рыцарства!

Денисов задумался.

— Слушай, а ты хотел бы в реале поменяться с ней ролями? — спросил он.

— В смысле, стать девчонкой? Нет, не очень... Тем более ее сожгли на костре. А вот если бы она оказалась на моем месте, то Ирине Александровне не поздоровилось бы...

— Ну не знаю, — покачал головой Денисов. — По-моему, математичка помощнее будет. Пойдем к бабушке?

— Дэн, спасибо за приглашение, в другой раз с удовольствием. Но сегодня у меня дела.

— Ну, смотри.

— Передавай бабушке мой огненный привет! Скажи, что память о ее светлом образе и ее обещаниях высечена золотом на моем сердце.

— Ладно, ладно. Это ты такой ласковый из-за того, что я сказал на уроке, что она богатая? Задумался о выгодном браке?

— Дэн, иди в жопу.

ЛЮБИ КНИГИ

Тихонов на самом деле собирался зайти в книжный магазин. Денег у него не было, но он хотел походить по рядам, посмотреть новинки, заглянуть в букинистический отдел. От неприятностей ему всегда помогали отвлечься книги.

Магазин располагался относительно недалеко от школы, на одной из старых улочек. Путь к нему лежал через ветвистые переулочки и сумеречные дворы, обычно тихие и пустынные. Тихонов любил прогулки по таким местам, они волновали сердце и будили воображение. Город здесь казался покинутым и вымершим, как древние горо-

да майя. И хотя повсюду были наставлены машины, их тоже можно было считать брошенными вследствие какого-то апокалипсиса.

А в магазине было людно. Не любил Тихонов столпотворение, из-за этого к книгам не подберешься, но что ж поделать. Он сразу направился в букинистический отдел, там людей поменьше, да и книги поинтереснее. Его всегда влекло к старым изданиям, было в них какое-то нежное очарование. Если взять две одинаковые книги, скажем, «Робинзона Крузо», но при этом одну в новом издании, а другую в старом, то вторая покажется лучше. Впрочем, это касалось не всех старых книг — некоторые были напечатаны на туалетной бумаге, с кучей опечаток и в убогой обложке — явное свидетельство экономического кризиса.

Самые прекрасные книги, от которых душа Тихонова в вожделении замирала, были выпущены уже несуществующим издательством Academia. От его деда осталась отличная библиотека, в которой было немало книг этого издательства. Он любил в детстве подержать их в руках, полистать, поразглядывать чудесные картинки. Большую часть этой библиотеки он не читал, потому что был еще маловат. А теперь и не прочтет уже. Однажды его

отец сложил все эти книги в большой деревянный ящик и отдал кому-то за бутылку водки.

От книг на столе исходил сладковатый пряный аромат. Он провел рукой по корешкам, как бы здороваясь с ними. По-настоящему древних книг тут не было, все издано не раньше двадцатого века, но все равно, почти в каждой очарование старины.

Тут его взгляд упал на потертую синюю обложку с выдавленным портретом. Что-то знакомое. Раскрыв первый разворот, он понял, что так и есть: «Путешествия Лемюзля Гулливера в некоторые отдаленные страны света, сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей» 1932 года, издательство Academia. Одна из любимых книжек его детства! Неадаптированная, с непристойностями, с обалденными иллюстрациями и в отличном состоянии. Но пять тысяч рублей.

Это была одна из тех книг, которые пропил отец. А вдруг та же самая? О, как страстно ему захотелось ее приобрести! Он аккуратно взял ее в руки и стал листать. И по мере перелистывания в нем росла уверенность: он ее украдет. Магазин не обеднеет, что ему будет от потери одной книжки? Продавца рядом не было, покупателей

тоже. Идеальная возможность. Он закрыл книгу, скинул рюкзак, ловко расстегнул молнию и кинул книгу внутрь. Никто ничего не мог заметить. Быстро застегнув и закинув рюкзак за спину, он направился к выходу — не спеша, прогулочным шагом, глядя по сторонам, как человек, который не сделал ничего плохого. У выхода он специально остановился, посмотрел в телефон, сделал вид, что сомневается — не вернуться ли в магазин. Но покачал головой и шагнул через порог.

— Молодой человек! Молодой человек! — Его кто-то схватил за лямку рюкзака и крепко держал.

Внутри у него похолодело. Он обернулся и увидел мужчину с бейсболом — из персонала магазина. Тот улыбнулся:

— Пройдемте! Воровать не хорошо.

НЕ ПРОПИВАЙ КНИГИ

Так, поглядим, что тут у нас, — сказал добродушного вида мужчина, наверное, директор или начальник охраны, хрен его знает. — Ага, Джонатан Свифт! Неплохой выбор.

Тихонов сидел в какой-то каморке в глубине магазина. Вокруг старые шкафы, как попало забытые книгами. «Все краденые! — почему-то подумал он. — Что теперь будет? Полиция? Штраф?»

— Ну что, полицию будем вызывать? — словно услышав его мысли, спросил мужчина.

Тихонов робко пожал плечами:

— Может, не стоит?

— А что делать?

Тихонов опять пожал плечами.

Мужчина раскрыл книгу и стал читать. Минуту, две, пять. Тихо, только шелестят переворачиваемые страницы. Тихонов в страхе смотрел на часы над дверью. Вскочить и бежать?

— Да! — наконец сказал мужчина и отложил книгу.

Он задумчиво посмотрел на Тихонова.

— Хорошая книга! Недурной у тебя вкус. нынешняя молодежь читает другие книги. Точнее, вообще не читает.

— Да, неплохая, — кивнул Тихонов.

— Ну так а что ты ее не купил?

— Денег нет... Пять тыщ все-таки...

— Ну а если каждый, у кого нет пяти тыщ, ста-нет книги тырить, как думаешь, что будет?

— Будет плохо? — предположил Тихонов.

— Верно. Хотя я бы выразился иначе. А почему именно эта? Мог бы и подешевле взять, вон в отделе зарубежной прозы новое издание в мягкой обложке за сто пятьдесят рублей. Воруй — не хочу. Или ты на самом деле не читатель, а продавец?

— В смысле?!

— А в прямом! Книжка-то дорогая, взял задаром, перепродал за три. Легко. Вот и денежку заработал.

— Да нет, что вы! Я для себя.

— Ага, за пять? Для себя за сто пятьдесят — это ниже вашего достоинства?

Тихонов покраснел.

— У меня отец эту книжку пропил. И вот я вернуть хочу.

— Прям именно эту? — Мужчина потряс книгой перед его глазами.

— Да, именно ее, — соврал Тихонов. Он не был уверен, что это именно та книга. Могла быть она. Но могла и не быть.

Мужчина откинулся на стуле и стал пристально смотреть на Тихонова, как бы изучая его. Тихонов постарался сделать ангельское лицо. У него это неплохо получалось. Бывало, про него говорили (правда, в детстве, но и сейчас иногда всякие бабушки): «О, какой милый, трогательный мальчик!» Вот таким мальчиком он и старался сейчас прикинуться.

— Да-а-а... — задумчиво протянул мужчина и отвернулся к окошку. Лицо у него было такое, как будто он вспомнил что-то давнее и ностальгическое. — Я и сам выпить любил. Весьма. И поверь, — добавил он, — пропитые книги — это не самое страшное! Бывают вещи и похуже. Ну ладно. Иди.

И он протянул Тихонову книгу.

— Мне ее обратно на стол поставить? — спросил он тихо.

— Можешь на свой. Дарю. И спрячь ее от отца. В следующий раз не отдам.

— Спасибо.

Тихонов встал, взял книгу и попятился к двери.

— Смотри, — сказал мужчина вдогонку, — только сам не пропей. Когда вырастешь.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ НАДЕЖДЫ ПАВЛОВНЫ

Я, наверное, потому такая жизнерадостная, что родилась весной!

У Надежды Павловны сегодня день рождения. Ей исполнилось сорок лет. О юбилее знали заранее и решили всем классом ее поздравить. Кто принес цветы, кто торт, кто еще что — в расчете, что, увидев все это, она разомлеет и не станет проводить урок.

— Надежда Павловна, — сказала Света Ступакова, — вы такая красивая! И не скажешь, что вам сорок!

— Ребята, — ответила она, сияя от удовольствия, — ну не знаю даже, как теперь быть! Мне все это домой нести тяжело будет. А с учителями после уроков у нас отдельные посиделки запланированы, там уже все куплено... Придется нам вместо русского чаю попить?

— Ну да, Надежда Павловна, что ж поделаться, — согласились ученики, — по ходу, придется!

Девочки принялись накрывать учительский стол, Гришина собралась с вазой и чайником за водой, молодые люди расселись на партах. Ясно было, что обстановка сегодня неформальная и можно позволить себе понарушать школьные правила.

— Ну, чего расселись? — заорала Маша Петрова на парней. — Мы тут что, рабыни, типа!

— Неплохо бы, — закивали ребята.

— Стулья взяли, вокруг стола расставили! Рыбенко, вылезай из-под парты, я все вижу! Бубнов, Батонов вы за шторой! Тихонов, помоги мне тут.

Гришиной, видимо, не понравилось, что другая пытается командовать им, и она резко возразила:

— Алексей мне поможет с чайником и вазой!

Они вышли в коридор и направились к кулеру. Это был первый раз, когда они остались наедине после встречи с отцом. Он не знал, что сказать, и молчал.

— У меня отец тоже пьет, — вдруг сообщила она, наливая чайник.

— Мм, — ответил Тихонов.

— Давно хотела спросить, а что означает твое «мм»?

— Мм?

— Блин, Леша...

— Извини. Ну это, типа, согласие. Я как бы говорю: «А, да, ясно!» Но иногда и вопрос: «А, что?»

— В общем, ясно, на все случаи жизни. Ты больше не хочешь со мной общаться?

— Почему же, хочу.

— Ну а чего ты тогда прячешься от меня по углам со своим Денисовым?

— Я не прячусь...

— Раньше ты меня провожал каждый день! И даже в школу вместе ходили. Смотри, Тихонов, женщина долго может терпеть! Но до поры до времени! Надоест мне, горько пожалеешь! Иди в туалет, налей вазу для цветов.

— А из кулера что не налить?

— Кулер, Тихонов, для питья! — И она, покачивая головой, понесла чайник в класс.

Когда он вернулся, все уже сидели вокруг Надежды Павловны, кто на стульях, кто на партах. Она стояла у своего стола, блаженно улыбаясь, и что-то рассказывала о себе.

— В эту школу я пришла работать сразу после института, почти двадцать лет назад! С тех пор немногие учителя остались... Ирина Александровна, Анна Александровна, Евдолина Парисовна, Татьяна Юрьевна, Маргарита Петровна... И... И все. Остальные позже появились. Подумать только, сорок лет живу на свете! В двадцать мне казалось, что все, становлюсь старухой... А теперь понимаю, что не так. Запомните, девочки — в сорок жизнь у женщины только начинается!

— Надежда Павловна, — сказал Титяев, — вот вы такая хорошая, добрая. А почему другие учителя плохие?

— Кто это, например? — с удивлением спросила она, присаживаясь на свой стол.

— Ну, почти все, кого вы перечислили...

— Я с тобой, Костя, не соглашусь! Они очень хорошие люди.

— Да ну! — воскликнул Серегин. — Это вы так из этой, как ее... корпоративной солидарности так говорите!

— Нет, Сергей. Они и правда хорошие. Сейчас я вам кое-что покажу! Дашенька, — попросила она Данилову, — там в шкафу на верхней полке альбом с фотографиями. Я принесла с коллегами за чаем посмотреть после уроков, бывшее вспомнить, ну так и вам покажу.

Даша вытащила огромный толстый альбом, из которого торчали углы неприклеенных фотографий, и подала Надежде Павловне. Ученики встали и подошли ближе.

— Вот, смотрите, узнаете? — Она взяла за уголок одну фотографию и подняла ее, чтобы все хорошо видели.

На черно-белой карточке была девушка с очень серьезным и строгим взглядом. Две аккуратные косички, платье, похожее на школьную форму, строгое пальто.

— Эт точно не вы, — сказал Серегин.

— Нет, не я. Еще догадки?

— Ирина Александровна? — предположила Леночка Сабинина.

— Да! Ваша учительница математики.

— Быть не может, е-мое! — не сдержался Ерошкин. — Да это как же? Что же с ней случилось с тех пор? Как?!

— Эх, ребята, годы никого не красят...

— А она всегда таким зверем была? — спросил Кислов.

— Она никогда не была зверем. Кстати, у нее здесь, в школе, давным-давно случилась большая любовь!

— Да ну? С кем же!

— С вашим физкультурником, Вольдемаром Аяковским!

— Невозможно! — возмутился Тихонов. — Он же только недавно в школу пришел!

— Нет, он раньше здесь работал, сейчас на пенсии. Юрия Петровича уволили, вот его и попросили временно выйти, пока нового не нашли.

Надежда Павловна вздохнула:

— Несчастливая была у них любовь! Сколько слез пролито... Как она его любила, а он с другой стал встречаться прямо у Ирочки на глазах. Та ему ребенка родила, он и женился на ней. Такое горе было, что слегла. Две недели с кровати не вставала, почти не ела, не пила... Мы уж боялись, как бы не случилось худшее...

— А когда физрук недавно в школу вернулся, у них романтическая встреча была? — серьезно спросила Света Ступакова.

Ребята заржали.

— Не знаю, Светочка, — улыбнулась Надежда Павловна. — Думаю, что вряд ли... Столько лет прошло.

— А это кто? — спросил Массажин, указывая на другую фотографию в альбоме. — Знакомое лицо...

С фото на них смотрела веселая женщина средних лет с букетом цветов. Рядом с ней стоял мальчик и держал ее за рукав. Судя по обстановке, это было первое сентября, но какого-то давнего года.

— Так это же Маргарита Петровна! — сказала Гришина. — Только она здесь другая совсем... Радостная, улыбается.

— Да уж, готов поклясться, — кивнул Стаханов, — в реале Маргариту Петровну радостной никто не видел!

— Все верно, это наш завуч, — грустно сказала Надежда Павловна. — И вы правы, радостной она не бывает. С тех самых пор, как утонул ее сын.

Все молча посмотрели на мальчика рядом с Маргаритой Петровной.

— А это, — Надежда Павловна поспешила перевести тему, — ваша учительница химии! Совсем еще юный цветок!

— Татьяна Юрьевна?! — хором воскликнули Бубнов и Батонов.

Удивляться в самом деле было чему: на фотографии они увидели красивую девушку в форме и с лентой через грудь. Хитрый взгляд, едва заметная усмешка.

— Она и щас так ухмыляется и смотрит! — заметил Рыбенко.

— Ну не совсем, — возразил Денисов. — Теперь она делает это особенно злобно...

— А у нее что случилось? — трагическим тоном спросила Наташа Громова, должно быть, полагая, что раз она стала такой стервой, то у нее обязательно что-то должно было случиться.

— А у нее, — со смехом ответила Надежда Павловна, — случились вы. Вы вот все жалуетесь, что уроков много, не успеваете делать домашнее задание, жизни нет из-за школы. А учителям как ково? Из года в год десятилетиями каждый день рассказывать одно и то же по несколько раз в день, да еще постоянно всякое хамство и издевательства терпеть? У кого угодно характер испортится.

— Но вы-то не испортились!

— Я другое дело. Просто давным-давно я обещала себе быть счастливой. Несмотря ни на что.

— И как, получается? — робко спросил Васильков.

— Стараюсь, Степочка. Правда, трудно бывает.

Открылась дверь, и в класс заглянула Ирина Александровна, заслонив собой дверной проем. Все замолчали.

— А я думаю, что так шумно, — строго сказала она. — Так вот оно что, оказывается, учитель во время урока сидит на столе и рассказывает анекдоты! Не уверена, что это доведет до добра.

Надежда Павловна растерялась и просто развела руками.

— Кстати, с днем рождения, Надежда Павловна. Ждем вас в учительской после уроков. Если, конечно, можно назвать уроками то, что у вас здесь происходит!

И она, тихо прикрыв дверь, ушла. Ребята со значением переглянулись.

— А физрук у вас на празднике будет? — спросил Серегин.

НЕ ПОЙМАН — НЕ ВОР

Тихон, а пойдем за беляшами?

— Дэн, что я слышу? Ты ж никогда не ходил с нами за беляшами.

— Ну вот, захотелось тоже отведать.

— Тебе что, бабушка перестала бутеры делать?

— Не. Надоели бутеры.

— А мне бутеры твоей бабушки не надоели.

— Ну так ты и жрешь их постоянно!

— Ты че, Дэн, намекаешь, что за мной должок?

— Не...

— Ладно, пойдем. Долг платежом красен. Только давай договоримся, беляши достаю я. А ты ждешь меня у выхода. Просто не хочу, если тебя поймут, упасть в глазах твоей бабушки.

— Да я и сам могу...

— Нет, Дэн. Тут навык нужен. Ну как при игре в банки. Новичок сразу же проиграет, будет потом стоять, лошотк у банки часами.

В институте сегодня было не так многолюдно. Перемена у студентов еще не началась, и столовая почти пустовала. Долго ждать не хотелось, и Тихонов решил действовать. Он велел Денисову встать недалеко от выхода, а сам направился в столовую.

Ох уж эти беляши — как проститутки с открытых фотографий в Сети! Они прельщали юные сердца, бесстыдно лежа на подносе, сочные, жаркие, источающие ароматный жир. Как тут не украсть? «Прости меня, Господи», — мысленно перекрестился Тихонов.

Подойти и взять беляши прямо из контейнера, без единого человека в очереди, было бы слишком самонадеянно. В ожидании посетителей он принялся изучать меню на стене.

— Что там смотришь? — спросила через минуту кассир. — Все свежее, все вкусное.

— Спасибо, я думаю! — ответил он.

— Привередливые все такие стали, — сказала она и встала из-за кассы. — Ладно, я пока отойду.

За прилавками больше никого не было. «Отличный шанс, — понял Тихонов. — Надо брать!»

Он в два шага очутился рядом с подносом и схватил четыре штуки. Быстро убрав их в рюкзак, он решительным шагом, но не слишком торопясь, чтобы не вызвать подозрений у случайных свидетелей, вышел из столовой.

— Что так долго? — встревоженно спросил Денисов. — Я уж думал, тебя взяли!

— Не бойсь. Еще не родился тот, кто меня возьмет! — ответил Тихонов и смутился, вспомнив книжный магазин. — Ладно, пойдём на свежий воздух.

Они вышли из института, и Тихонов достал два беляша.

— На. Приятного аппетита.

Денисов осторожно понюхал беляш, посмотрел на свет.

— Дэн, это не вино. Ты че делаешь?

Видя, что Тихонов уже доедает первый беляш, он робко укусил свой.

— Ну как? Четко? — спросил Тихонов.

— Ничего, ничего, — уклончиво ответил Денисов, вяло жуя.

К тому моменту, когда Тихонов прикончил и второй беляш, Денисов все еще мучил первый. Тихонов вытер руки о рюкзак.

— Ну? Ты будешь доедать? Тебя еще один в рюкзаке ждет.

— Ах вот он! — Распахнулась дверь института, и на них вылетела женщина в фартуке. Лицо крас-

ное, глаза круглые от ярости, рот перекошен. — Ты думал, я дура совсем? Считать не умею?

Она крепко схватила Денисова за руку, за ту самую, в которой был беляш, и громко закричала: — Вор! Вор! Вор!

ВЕДИ СЕБЯ ПРИЛИЧНО

Спасибо тебе, Тихонов, ты настоящий друг! Они шли по направлению к продуктового магазину купить колы и чипсов.

— Ну я-то при чем... Кто ж знал... Вообще не понимаю, как она заметила.

— Почему-то мне всегда за тебя достается? Хорошо хоть, без полиции обошлось.

— М-да... Теперь, Дэн, дорога в этот институт тебе закрыта. Кстати, у меня твой беляш так и лежит. Будешь?

— Нет. Я беляшей на всю жизнь наелся.

— Ну, как хочешь. — Тихонов достал беляш и стал его есть. Он уже подстыл и утратил свое очарование, но выбрасывать было жалко.

— Ох, Дэн, и нажрался я. Щас фокус покажу, готовься!

На входе в магазин он глубоко вдохнул и протяжно рыгнул. Вышло намного громче, чем он рассчитывал, — так, как будто Роланд затрубил в Ронсевальском ущелье в свой знаменитый рог. Зычное клокотание прокатилось по помещению, вспугнув покупателей и продавцов, кошка спрыгнула с витрины и спряталась под холодильник. Тихонов даже сам испугался и немного присел от неожиданности.

— Большой мальчик! — закричала продавщица, глядя на них. — Уведите отсюда этого большого мальчика!

Тихонов сразу сделал ангельское выражение, а Денисов — виноватое. Откуда-то появился солидный мужчина в очках — видимо, главный менеджер или кто-то там из важных, — по нему сразу видно было, что он получает зарплату в несколько раз больше, чем обычные продавцы.

— Молодой человек, — сказал он Денисову вежливо, но непреклонно, — я попрошу вас покинуть магазин.

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ

О как изменилась Юлия Федоровна! Всего месяц назад она была милой, робкой девушкой, которой казалось, что ученики знают предмет лучше нее самой. Она застенчиво улыбалась, говорила «вы», общалась с ними на равных. А что теперь? Во взгляде появилась надменность, усмеш-

ка, какое-то высокомерие! Нет, она не стала менее привлекательной. Она была по-прежнему восхитительна, и Тихонов при одном взгляде на нее немедленно в мыслях изменял Гришиной. Но Юлия Федоровна превратилась в Ледяную Королеву.

«Школа — это мясорубка, — размышлял Тихонов, сидя на истории. — Все обычно думают, что она перемалывает детей. Но не только. И учитель тоже.

— А ты, Тихонов, на какой стороне? — спросил он сам себя. — Устоишь ли, если она позовет тебя?

— Нет, не устою. Я сразу все предам».

Горько, грустно ему стало от этой мысли. Что за власть имеют прекрасные женщины над мужчинами, раз те готовы от всего отречься ради них? Или просто это он такой слабый, беспринципный, морально неустойчивый?

И тут у него появилась идея поэмы — про то, как ученик девятого «Б» переходит на темную сторону силы и начинает под руководством Прекрасного Директора убивать всех подряд. Он схватил ручку и на крыльях вдохновения умчался в заоблачные высоты, в мир прекрасных форм.

— Тихонов? Тихонов!

— Эй, Тихон. — Денисов толкнул его в бок.

Тихонов стремительно рухнул на землю. Растерянно оглядевшись, как после крепкого сна, он понял, что Юлия Федоровна обращается к нему.

— Тихонов, что ты там бормочешь и малюешь? Иди-ка к доске, расскажи нам о секуляризации в Новое время!

— О, подстава, — простонал позади Стаханов и лег на свою руку.

— Секуля... Секуля что? — зашептались в недоумении Бубнов и Батонов.

Тихонов поднялся и вышел к доске. Вообще он имел представление о предмете, читал про это, но не то, что задавала Юлия Федоровна.

— Серкуля... — начал он. — Секурля...

— Секуляризация, — с несмешливой услужливостью подсказала Юлия Федоровна.

— Да. Секуляризация — это процесс освобождения общества от влияния церкви, который особенно активно шел в Новое время. Хотя предпосылки ее уже наметились и раньше — в позднем Средневековье...

— Тихонов, — прервала Юлия Федоровна, — а когда же было это Новое время? Может, в античности? Можешь конкретизировать?

Тихонов понял, что она пытается опозорить его перед классом.

— Ну, шестнадцатый, семнадцатый века. Тогда началось. Хотя некоторые ученые начинают и с эпохи Возрождения.

— Очень интересно, Алексей. А кого из деятелей Возрождения ты можешь назвать?

— Ну, Чимабуе, Джотто, Учелло... Потом были фра Филиппо Липпи, братья Беллини, Гирландайо, Боттичелли, Мантенья, Перуджино, да Винчи, Корреджо, Рафаэль, Челлини, Микеланджело...

— Все, хватит, — раздраженно прервала его Юлия Федоровна. — Молодец, что знаешь их, но это не имеет отношения к делу! Они не представители движения секуляри... Селякур...

— Секуляризации, — подсказал Стаханов.

— Спасибо, Михаил. — Она зло стрельнула глазами в Стаханова. — Ты, Алексей, назови нужных людей, тех, чье свободомыслие ознаменовало это явление!

— Ну, там всякие были... Много.

— Например? — обрадовалась Юлия Федоровна, чувствуя, что поймала его.

В классе воцарилась напряженная тишина.

— Вам как, по странам или всей кучей?

Кто-то захихикал.

— Да уж как тебе удобно.

— Ну, деятели эпохи Просвещения — это Вольтер, Дидро, Монтескье, Руссо... Это во Франции. В Англии...

— Ой, хватит! — опять прервала она его. — Всякий может имен набраться из «Википедии»... Ты хоть читал кого из названных тобой? Знаешь их мысли?

— Честно говоря, почти никого...

— Ну вот, видишь!

— Только «Жизнь» Челлини, «Философские повести» Вольтера и «Исповедь» Руссо. А вы?

— Тихонов, ты Жанна Д'Арк, как говорит Ирина Александровна! — шепнул кто-то одобрительно.

Все заржали.

Юлия Федоровна резко изменилась в лице.

— Ты мне не дерзи, Тихонов! На место иди сядь! Тихонов пошел и сел.

Юлия Федоровна вывела в журнале оценку.

— Четыре, — сказала она. — И ты уж определись, наконец, на три или на четыре учиться, займи твердую позицию! Будь мужчиной. Но я думаю, что твое место — это три.

НУЖНО ЛИ ЛЮБИТЬ ТОЛЬКО ОДНУ?

3наешь, Дэн, не дает мне кое-что покоя.

— Что, Тихон?

— Да вот эта вот раздвоенность в мире... В книжках как-то иначе все получается.

— В смысле?

— Ну вот, например... Слушай, я тебе сейчас расскажу кое-что, ты только никому не говори.

— Тихон, ну какие вопросы! Разве я когда про тебя что-то рассказывал? Только бабушке.

— Что? Что ты своей бабушке рассказывал?

— Все...

— Ты охренел! Про тики, отца?

— Да ладно, она взрослая, умная, все понимает...

— Слушай, Дэн, то, что я сейчас скажу, даже бабушке не надо. Понял?

— Да не вопрос...

Тихонов почесал подбородок и закурил.

— Вот мне, например, нравится Гришина.

— Ой, тоже мне секрет, — перебил его Денисов.

— Постой, Дэн, я не о том. Она мне очень нравится. Я в нее влюбился. По-настоящему. Но и по Юлии Федоровне я млею! Так, что слов нет. Когда вижу ее, мне аж дурно становится. Хочется зайти к ней в кабинет твердым шагом, взять ее за талию так решительно, дернуть к себе грубо, поцеловать в засос, потом на стол директорский повалить, ну и сам знаешь!

— Да кто же по ней не млеет! По ней вся школа сохнет, от первого до одиннадцатого класса! Но

про твердый шаг — это я не верю. У тебя ноги от страха переломятся, на полпути свалишься.

— Это да. Шансов ноль. Но я не об этом. Я к тому, что как же так! Я ведь Гришину люблю! Но готов ее предать запросто! Это же недостойно, понимаешь? Плохой я человек. И так во всем. Мое реальное «я» совсем не похоже на того, кем я хочу быть!

— Ну, мне кажется, ты слишком драматизируешь. Нет в этом ничего трагичного. Вот, например, помнишь у Шекспира «Ромео и Джульетту»?

— И что?

— С чего там начинается? Идет Ромео и томится по одной девушке. Жизнь ему не в радость. Ни есть, ни пить ему не хочется. И вдруг он увидел Джульетту. И все, разом забыл про ту свою любовь. Так вот, ты когда-нибудь слышал, чтобы Ромео обвиняли в аморальности?

— Нет, Дэн, не слышал! Золотые слова ты говоришь. Хотя у меня немного иная ситуация, я бы предпочел и с Гришиной, и с Юлией Федоровной одновременно...

— А ты думаешь, Ромео бы не предпочел? Просто кто ж ему позволил бы...

Тихонов прикинул вторую. Моросило, но сидеть с лавочки не хотелось. Приятно было сидеть здесь, в пасмурной, туманной пелене, в безлюдном и беззвучном дворе. Почти беззвучном — потому что очень тихим, едва заметным фоном шумел дождь, колотя по листьям, по лужам, по асфальту. Это лучшее успокоительное и убаюкивающее средство — музыка затяжного дождя.

— Тихон, и я хочу тебе кое в чем признаться. Только тоже никому.

— О чем разговор. Само собой.

— Я хожу к психологу.

— Да ну? Ты что, псих, что ли?

— Нет. Ну знаешь, на Западе многие ходят. Так просто. Для поддержания психического здоровья. Вот и мои родители завели семейного психолога. И я теперь хожу к нему раз в неделю.

— М-да, вот это дела... И как тебе?

— Да ничего. Сидим, болтаем о том о сем. В принципе ничего. Умная такая тетка. И красивая.

— Ага, и ты в нее втюрился?

— Ну я бы так не сказал... Но она да, нравится мне. Она мне сказала одну умную вещь...

— Какую?

— Нужно любить себя таким, какой ты есть.

— Эх, другие бы меня любили таким, какой я есть.

СТРИПТИЗ

Синие волны неба бились в окна, ветер мощно надувал паруса занавесок. Вот бы школу сорвало с места и унесло в открытое море. Чтобы этот большой корабль отправился в плавание к далеким неизведанным берегам, где их ждут удивительные приключения. Конечно, не все пройдет гладко. Первым делом случится бунт, и половина учителей будет выброшена за борт. Остальные пригодятся в хозяйственной работе. Полы там помыть, починить чего. Возможно, начнется голод, и их съедят. А что делать, случалось и такое. В конце концов его, Тихонова, выберут капитаном. Он сядет в кабинете директора пить виски, курить сигару и командовать хриплым голосом. А Юлия Федоровна и Гришина станут бороться за его благосклонность. Он будет отдавать предпочтение то одной, то другой. А то и обeim одновременно.

— Слышите, Дэн, Тихон, прикиньте!

— Что такое?

Серегин выглядел взволнованным.

— У нас новая историчка!

— Вот тебе на... А Юлия Федоровна куда подевалась? Уволили? — И Тихонов, несмотря на обиду, почувствовал, что расстроился.

— Да нет, она же теперь директор. Решила не совмещать.

— Ну и что, старая вобла какая-нибудь?

— Ну, как сказать, как сказать, — уклончиво ответил Серегин. — Сам увидишь.

Пока ждали историю, выяснились подробности. Рассказал Титяев, а ему его мама. Звали новую историчку Ювелина Филипповна, ей было двадцать с чем-то, и она только окончила педагогический университет. Говорили, что она супер, и Юлия Федоровна по сравнению с ней отдыхает.

На перемене Тихонов забежал в туалет и намочил волосы, чтобы пригладить их. Надо было, конечно, вымыть голову с утра, а то они выглядели изрядно сальными, но кто же знал, кто же знал! Влажными ладонями он постарался стереть со школьной формы следы грязи.

— Что ж, ничего, — сказал он, глядя на себя в зеркало. — Не мачо, конечно, ну да сойдет.

Ювелина Филипповна опаздывала на урок. Минут через пять после начала, как это обычно бывает без учителя, начались ор, гогот и беготня. И вдруг, когда все уже решили, что урока по какой-то причине не будет, отворилась дверь и в класс вошла она.

Она была чем-то похожа на Юлию Федоровну. Но если та выглядела как бизнес-леди, то эта — как фея с улицы Красных фонарей. На высоких каблуках, в короткой юбке, майке-алкоголичке, из которой торчит бюстгальтер. У молодых людей широко открылись глаза и часто забились сердца; у Ерошкина приоткрылся рот, как будто вот-вот закапает слюна, Рыбенко нервно засучил ногами, Стаханов тихо застонал.

— Здравствуй, ребята! — сказала она сладким голосом и широко улыбнулась.

У Тихонова возникло почти забытое детское ощущение какого-то веселого представления, вроде елки на Новый год. И в самом деле, представление началось, но совсем не детское.

— Для начала, — многозначительно заметила она, — нужно вытереть доску!

Она взяла вонючую тряпку, повернулась к ним спиной и стала вытирать. Долго, а класс в недоумении смотрел на ее зад. Даже из-за спины было видно, как болтаются туда-сюда ее груди. Тихонов представил, что сейчас она резко обернется, бросит тряпку ему в лицо и сорвет с себя майку. Затем одним длинным шагом очутится у парты, возьмет его за ворот рубашки и притянет к себе.

Потом повернется спиной и легким мгновенным движением снимет юбку...

— О, зачем она это делает с нами? — прошептал Серегин.

Весь остальной урок прошел в таком же стиле, и Тихонов усвоил на нем важную информацию: мир полон соблазнов и искушений, против которых ему даже нет смысла пытаться устоять. Если бы она ему сказала: «Тихонов, поехали ко мне домой после уроков, я тебе покажу кое-что интересное», он бы поехал, не раздумывая. Но, увы, шансов, конечно, не было.

На выходе из класса ученики столкнулись с Юлией Федоровной, которая ждала за дверью окончания урока. Вероятно, она хотела проконтролировать качество. А может, просто поговорить с новой училкой.

— Ну как вам? — спросила она. — Хорошо урок прошел?

— О-о-о! Великолепно! Это было прекрасно! — закричали парни.

— Да ну, ужасно, фу, — возмутилась Сабина-на, — кошмар какой-то! С вами было лучше!

Тихонов повысил голос:

— Лучший учитель истории! Побольше бы таких. Жаль только, как говорят, все портятся быстро!

Юлия Федоровна нахмурилась.

— Да, я заметила, как ты на нее смотрел, — сказала Гришина тоже громко. — Может, тебе ее на свидание пригласить?

ЛЮБОВЬ ДЕНИСОВА

-Тихон, хочу посоветоваться с тобой.

— Да, Дэн, что случилось?

— Я больше не буду встречаться с Петровой.

— Ну и не встречайся. Я-то здесь при чем. Или ты боишься, что она тебе врежет?

— Нет, не в этом дело! Мне очень нравится мой психолог. Она такая женщина!

— Дэн, а сколько ей?

— Ну... Я думаю, за сорок. Лет сорок пять. Ну или около.

— Что-о-о-о?

Тихонов вытаращил глаза:

— Тебе старухи нравятся? Ты это, как его... Геронтофил?

— Она совсем не старуха. Выглядит она на отлично. Есть немного морщин, но это ее не портит.

— Но ты в курсе, что она в матери тебе годится?

— В курсе. Ну и что? Если бы ты ее увидел, то сразу бы все понял. Как она сидит передо мной! Смотрит так, как будто все про меня знает...

— Ну ладно, Дэн, дело твое. А посоветоваться ты по какому поводу хотел?

— Думаю, что как мужчина я должен ей все сказать.

— Что сказать?

— Что она мне нравится.

— Ты охренел?

— Тихон, все серьезно. Я даже выследил, где она живет.

— А вдруг она твоим родителям расскажет?

— Не должна. Она же психолог. Это почти как исповедник. Непрофессионально.

— Ладно, дело твое. Признавайся, если хочешь. Только, клянусь, ничего кроме позора из этого не выйдет.

— Ну, спасибо, ты настоящий друг, — обиженно пробормотал Денисов.

Помолчав, он добавил:

— Короче, мне нужна твоя помощь.

БУДЬ СМЕЛЫМ

-Дэн, честно, я так и не понял, зачем я тебе нужен.

— Блин, Тихон ну ты друг или нет? Я же объяснял, для страховки. Дверь поддержишь в подъезде, если лажа какая выйдет.

— Если у нее муж окажется, да? И с порога тебе в репу сразу залепит?

— Да нет у нее мужа. Кольца на руке нет.

— Ну, любовник. Еще хуже. Мужья-то помягче.

Они шагали по незнакомым улицам. Пришлось ехать на метро, психолог жила довольно далеко. Здесь все было иначе: высотные дома метили в небо, сходясь узкими вершинами над их головами. Больше просторы, обширные газоны, редкие магазины, пустынные детские площадки. Новые районы всегда выглядят вот так неуютно, потому что не обжиты и не имеют еще своей истории. Должны пройти долгие годы, прежде чем ситуация изменится в лучшую сторону.

— Дэн, есть что-то неестественное в том, что люди мечтают жить в этих вот многоэтажных коробках в мегаполисах. Тут же вся таблица Менделеева в воздухе. Сплошные пробки, в метро в час пик не пробиться, очереди, в торговых центрах столпотворения... Как будто все человечество съехалось в крупные города, чтобы отравить жизнь себе и другим. Не понимаю, зачем?

— Да все понятно, — ответил Денисов. — Деньги. Люди в городах ради денег.

В руках он нес огромный букет роз — пятьдесят одна штука. Тихонов никогда в жизни не видел таких букетов. Розы были очень красивые, каждая

длинная и прямая, с толстым колючим стеблем и крепким бордовым бутонем размером с кулак.

— М-да, — с завистью сказал Тихонов, — против такого букета ей не устоять... Он, наверное, бабла немерено стоит?

— Ну, прилично. Я карманные деньги две недели копил.

Тихонов промолчал. Даже если бы он карманные деньги копил год, то не собрал бы на такой букет. Потому что карманных денег у него не было. Так, перепадала случайно какая-то мелочь иногда — обычно сдача из магазина, которую забывали забрать.

— Ну вот, пришли, — сказал Денисов, останавливаясь напротив подъезда у одной из высоток.

— Дэн, а как ты узнал, в какой квартире она живет?

— Я подсмотрел, как она код домофона набирала.

— Ох, Дэн, все-таки стремное дело ты затеял... Я хоть и ни при чем тут, у меня все равно от страха коленки трясутся.

— Да уж я и сам сейчас в обморок упаду...

— Может, ну его? Пойдем у метро букет загоним кому-нибудь по дешевке — и в кафе?

— Нет, Тихон. — Денисов серьезно посмотрел ему в глаза. — Я обещал себе быть мужчиной. Иначе ничего не добьешься в жизни. Так мой отец говорит. Подержи букет.

Он подошел к домофону и стал набирать. Тихонову показалось, что он делает это неуверенно. Послышался гудок.

— Это кто? — спросил недружелюбный женский голос.

— Здравствуйте, — захрипев, представился Денисов. — Это Денисов.

— Какой такой Денисов?

— Ваш пациент...

Там замолчали. Потом ответили:

— Вам, похоже, нужно в больницу. Это частная квартира.

Домофон отключился.

— Ошибка, — прошептал Денисов. — Не она.

— Так ты ведь цифры запомнил!

— Не совсем. Я же за машиной прятался, метрах в десяти от нее, так что я сами цифры и не видел, а только места, в которые она нажимает...

— Блин, Дэн, ну ты даешь! Это отстой, надо уходить.

— Тихон, еще попытку! Столько ехали...

Денисов предпринял еще много попыток, и в конце концов просто стал обзванивать все квартиры по порядку. В каких-то никого не было, в других его не знали. Отзвонив в последнюю, он пред-

ложил проникнуть внутрь подъезда и обойти все квартиры лично, но Тихонов воспротивился.

— Дэн, в этом подъезде их больше ста, мы до ночи будем ходить. Да и с чего ты взял, что она живет в этом доме? Может, она в гости к кому заходила, к любовнику, например. И рассказы-вала ему в постели: «Дорогой, есть у меня такой забавный клиент по фамилии Денисов». И тут ты звонишь по домофону! Он, наверное, от страха обоссрался!

Денисов посмотрел на него с ненавистью.

— Ладно, Дэн, извини. Шучу. Да и вообще, даже если она живет здесь, то с чего ты взял, что посреди дня она будет дома сидеть? Она же работает.

— Ну тогда я здесь на лавочке посижу, подожду. А ты свободен. Давай букет.

— Я с тобой посижу.

Они сели на лавочку и стали ждать. Мимо ходили люди, с любопытством глядя на них. Один мужчина, выйдя из подъезда, остановился и сказал:

— Если вы Катюшу ждете, то она на занятиях, в потом мы в кино пойдем. Так что раньше восьми не будем.

— Нет, — вздохнув, ответил Денисов. — Не ее. Вы Эвелину Попову знаете?

— Впервые слышу.

— А сигарета у вас найдется? — спросил Тихонов.

— Маловат еще, — строго ответил мужчина и пошел по своим делам.

— Дэн, она что, болгарка?

— Да хрен ее знает... Ладно, по ходу, бесполезней.

Он вытащил из рюкзака ручку, тетрадку, вырвал лист и написал на нем: «Эвелине от Денисова». Потом вставил в розы сверху, так чтобы сразу заметно было, и положил букет на скамейку.

— Пошли. Вдруг до нее дойдет.

ЗА ЗНАНИЯ НАДО ПЛАТИТЬ

Запах весны бьет в голову, стоит только выйти на улицу. Но это приятный такой удар, волнительно-головокружительный. В этом запахе смешалось многое, и не все ингредиенты ясны. Вроде бы по отдельности они не очень привлекательны, но если взять их вместе, то получается потрясающий букет. Со второй половины апреля, а иногда и чуть пораньше, ощущается примесь дыма, как будто где-то невдалеке жгут костры, но сколько ни ходи по улицам города, никаких костров не найдешь. Это какой-то особый, весенний горелый аромат, летом его уже нет.

Еще в этом букете есть запах воды. И хотя вода, в общем, не пахнет, весной она все-таки пахнет. Ароматы влажных испарений от размокшей после зимы и уже ожившей мелкой порослью земли тоже содержат какие-то важные компоненты, возбуждающие плоть и дух. Ну и ветер. Свежий легкий ветер, рвущий на клочки сознание.

Именно в таком настроении Тихонов вышел из школы. С ним был Денисов, немного хмурый, но в чем была причина его неудовольствия, он не признавался.

— Дэн, может, соберем парней — и в парк, в банки? А?

— Не. Я домой.

— Какой-то ты злой. Что случилось-то?

— Да ничего. Все ок.

— Да ладно, колись. Психологичка принесла твой букет на сеанс и кинула его тебе в рожу?

— Хуже.

— Она рассказала родителям?

— Нет. Она отменила сеанс.

— Ой, е-мое, Дэн. Наверное, заболела просто.

Мало ли что. Ты посмотри, какой мир вокруг!

Из школы вышли Серегин и Рыбенко.

— В банки? — спросил Серегин.

— Дэн не хочет, — ответил Тихонов.

— Парни, — жалобно скривив лицо, простонал Рыбенко, — я тоже не могу.

— А что такое?

— Да учебник с рабочей тетрадью надо купить, мне родители деньги давали, я потратил. Еще вчера спрашивали, купил ли, я сказал да, в школе за-был. У вас есть займы деньги? Очень надо! За-втра верну.

— И сколько? — спросил Серегин.

— Эх, — вздохнул тот, глядя в глаза Денисову, — четыреста пятьдесят!

Знал он, да и все знали, что у Денисова деньги водятся, иначе бы не подошел.

— У меня есть пятьдесят, — предложил Тихонов.

— У меня сотка, — сказал Серегин. — Вернешь две.

— А у меня триста найдется, — сказал Денисов. — И можешь не возвращать.

— Точно! — воскликнул Серегин. — Можешь никому из нас не возвращать. Отдашь натурой.

— Как так? — с подозрением спросил Рыбенко.

— А так. За каждые пятьдесят рублей мы тебе бьем пендель. Всего девять штук. Каждый из нас по три.

Рыбенко задумался. Он поглядел по сторонам, почесал шею, взвесил за и против и сказал:

— Ладно, согласен!

— Ты что, дурак? — искренне удивился Денисов.

— А что! Что такого! — всплиил Серегин. — Настоящий деловой подход!

— Давайте, бейте! — сказал Рыбенко, поворачиваясь.

— Ты это, наклонись!

Рыбенко наклонился.

— Кто первый? — спросил Серегин. — Давайте на «камень, ножницы, бумага»?

Они скинулись — сначала выпало Тихонову, потом Денисову, последнему Серегину.

Тихонов отработал кое-как — первый смазал и попал в бедро, второй в спину, третий совсем слабо, Рыбенко даже не покачнулся. Следующим бил Денисов. Он ударил всего один раз, но заставил громаду Рыбенко основательно содрогнуться. Наступила очередь Серегина.

— Держись, Рыба, — сказал он. — Ничего личного, только бизнес.

И с первого же замаха влепил такой сокрушительный пендель, что Рыбенко повалился на землю. Было ясно, что тут он пожалел о своем согласии. Но делать нечего, сделка заключена. Он встал и во второй раз выстоял чудом. Третьим ударом Серегин снова свалил его.

Поднявшись, Рыбенко потер отбитое место и печально сказал:

— Я теперь, наверное, неделю сидеть не смогу.

— Зато заработал! Парни, к расчету!

Друзья отдали ему деньги.

— Ты ток не надейся, Рыба, что у тебя теперь постоянный доход и после школы работать не надо будет. Тебе сегодня просто крупно повезло.

— Да уж, — мрачно кивнул Рыбенко. — Повезло. Ладно, пока.

И он, прихрамывая, пошел за книгами.

МАСТЕР ПОЦЕЛУЕВ

Серегин принес бутылку портвейна и пригласил Тихонова с Денисовым ее распить. Пошли в соседний подъезд — там был всегда сломан замок. С ними увязалась Дуня Субботина.

Было в этом что-то особенное — пить в непосредственной близости от школы. Прямо за стеной находился кабинет директора. А они в метре-двух распивают алкогольные напитки, курят. Это обстоятельство пьянило сильнее портвейна. Тихонов прислонился к стене лбом и думал о том, что сейчас делает Юлия Федоровна. Вдруг она тоже подошла сейчас к стене и точно так у нее встала?

К нему подошла Субботина, она была чуть охмелевшей.

— А это правда? — спросила она с загадочной улыбкой.

— Что?

— Что ты отлично целуешься?

— Ты это чего вдруг?

Он испугался, что она намерена поцеловать его. При Серегине! Что делать? Бежать? Ей ведь не скажешь «нет»...

— Мне Катька рассказывала.

— Мм, — удивленно протянул Тихонов. Дело в том, что с Гришиной они ни разу не целовались. Он так и не решился это сделать, более того, он вообще ни разу в жизни не целовался.

— Да, это правда, — подумав, ответил он.

НЕ ДОВЕРЯЙ ТАЙНЫ ДЕВОЧКАМ

Сизиф наказан богами: обречен закатывать свой камень в гору вечно. То есть катит и катит, а когда закатил, камень падает обратно. И все начинается сначала. Не так ли и люди наказаны ходить в школу снова и снова? А потом передать эстафету: жениться, завести детей и отдать их в школу... И умереть.

Как-то его любимая тетя выразила так свое отношение к тому, что от него пахло сигаретами: «Ну вот, началось! Теперь осталось жениться и деградировать!»

— Брр, — сказал Тихонов и поежился.

Было холодно — второй день шли дожди. Весна временно сдала позиции. Не улице почти никого, редкие прохожие, точно мокрые воробьи, и тихие машины плывут по руслу дорог.

Он вышел на середину дороги. Неплохо бы вот так стоять-стоять — и потихоньку растаять под дождем, а потом влиться в ручей и убежать вместе с ним куда-нибудь в реку, а из реки в море, а из

моря в океан. И волны, волны, волны, целая вечность пройдет, не заметишь.

— С дороги, придурок!

— Сам придурок, — вяло ответил Тихонов проехавшему водителю.

— Привет!

Это была Гришина. Она улыбнулась ему и побежала дальше, держа над головой пакет.

Тихонов в растерянности посмотрел ей вслед. Почему она не задержалась, чтобы пойти в школу вместе с ним?

Неприятное подозрение тяжким грузом легло ему на сердце.

Придя в школу, он первым делом разыскал Денисова.

— Дэн, скажи честно, ты рассказывал Петровой, что мне нравится Юлия Федоровна?

— Ну, — запнулся Денисов. — Было дело. Так, сказал только, что она тебе нравится. А что здесь такого? Она всем нравится. Если бы не была такой стервой, то вообще бы супер...

— Все ясно. А она Гришиной пересказала...

Тихонов покачал головой и тяжело вздохнул.

— Запомни, Дэн, женщинам нельзя доверять секреты! Они все всегда рассказывают подругам! Даже если поклянутся тебе самой страшной клятвой хранить тайну — подруге-то обязательно шепнут...

— Тихон, ну вообще дело-то не в Петровой. Про твой интерес к директору вся школа знает.

— Как так?

— Титяй рассказывал. Юлия Федоровна то стихотворение твое эротическое всем учителям уже показала.

Тихонов побагровел.

— О боже, какое коварство... И позор-то, блин, какой!..

— Согласен, — кивнул Денисов.

Окончание следует.